

БУРАЕВСКАЯ АВТОНОМИЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Образование Башкирской Республики в ее современных очертаниях не было одномоментным актом. Она рождалась в огне гражданской войны и в ее создании участвовали не только башкиры юго-востока и северо-востока исторической Башкирии, но и башкиры северо-запада. Первыми из их числа за идею автономии в массовом порядке выступили башкиры села Бураево, взявшиеся за оружие в самый отчаянный и критический момент истории.

План территориальной автономии

В декабре 1917 года на Учредительном курултае башкирского народа, проходившем в Оренбурге, был провозглашен «автономный Башкурдистан», т.е. Башкирская Республика, в пределах так называемой «Малой Башкирии». Много позднее А.-З. Валидов в своих «Воспоминаниях» писал: «Объявляя автономию Башкортостана, мы имели в виду не весь Башкортостан, а только его восточную часть, где мусульмане составляли не менее 70 % населения. Она известна по названию как «Малая Башкирия». Однако, Муллаян Халиков, бывший член Башревкома и председатель СНК БАССР (1921-1925), через много лет в 1933 году иначе описывал события: «Курултай, само собой разумеется, утвердил уже объявленную башкирскую автономию в пределах Большой Башкирии, не предопределяя, как будет фактически проводиться в жизнь: сразу в пределах Большой Башкирии или сначала Малой Башкирии». Думается, что Муллаян Халиков, непосредственно претворявший в жизнь в 1922 году проект «Большой Башкирии», невольно исказил действительный план действий, который предусматривал поэтапное строительство республики: сначала осуществление автономии «Малой Башкирии», а затем образование «Большой Башкирии» за счет присоединения к уже существующей автономии всех уездов Уфимской губернии, населенных башкирами, а также территорий Осинского и Красноуфимского уездов Пермской губернии, в которых жили башкиры родов Гайна, Сызги, Упей и Кошсо. Однако, этот план не осуществился в полной мере. Таким образом, на Учредительном курултае башкирского народа в декабре 1917 года было учреждено 9 кантонов «Малой Башкирии» – Джетировский (нынешний Куюргазинский р-н РБ и сопредельные территории Оренбургской области), Кипчакский (Кугарчинский и Мелеузовский р-ны РБ), Усерганский кантон (Зианчуринский и Хайбуллинский р-ны РБ), Бурзян-Тангауровский (Зилаирский, Баймакский и часть Бурзянского р-на РБ), Тамъян-Катайский (Белорецкий и часть Бурзянского р-на РБ),

Куваканский (Учалинский район РБ и Миасский р-н Челябинской области), Барын-Табынский (Аргаяшский, Кунашакский и др. р-ны Челябинской области), Ичкин-Катайский (Альменевский и Сафакулевский р-ны Курганской области), Ток-Чуранский (Александровский, Красногвардейский и др. р-ны Оренбургской области).

Село Бураево

После Учредительного курултая его делегаты разъехались по своим волостям для организации местных башкирских Советов – тюбек-шуро. Причем, даже в тех районах, которые не входили в состав «Малой Башкирии» и, как считалось, временно находились в составе Уфимской губернии. Один из таких тюбек-шуро возник в крупном башкирском селе Бураево, жители которого относились к башкирскому роду Ельдяк. Свое название оно от имени своего основателя «башкирца Бурая». Некто Муса Яшбулатов и Якушка Исаев в 1707 году сообщали в челобитной: «Прадед их, башкирец Бурай, владел вотчиною и бортным ухажьем по Таныпу реке и тот прадед их Бурай переехал жить из Уфинского уезду в Казанский уезд и жил там и умре...». Некоторые потомки Бурая, жившие в Казанском уезде, приняли крещение, о чем говорят их имена – Якушка Исаев, Матюшка и Ивашка Степановы. Это случилось, вероятно, по причине активизации политики насильственной христианизации, проводившейся в 80-х годах XVII века. Реакцией на крайне непопулярную религиозную политику царизма стало башкирское восстание 1681-1683 годов. Затем отгремело еще более грозное башкирское движение 1704-1711 гг., шедшее под знаменем реставрации чингизидского ханства. Во время этого восстания тысячи жителей Казанского уезда перебирались в Башкирию. Среди переселенцев были правнуки Бурая, пожелавшие вернуться на землю предков, а потому по возвращении просившие вернуть вотчину своего прадеда. В родной Ельдякской волости их встретили радушно: признали вотчинниками и допустили к владению земли предка. В XX веке село Бураево стало одним из центров борьбы за автономию Башкортостана.

Брожение среди башкир Уфимской губернии началось задолго до 1917 года. Вот лишь небольшая архивная справка, составленная, вероятно, одним из сотрудников:

1906 год:

- февраль: Башкиры деревни Тимкино Балтачевской волости порубили лес у села Новотроицкое, который считали своей собственностью, отнятой у них. Избили лесника, отняли ружье;

- июнь: Бунт башкир Балыкчинской волости; 150 человек собрались около Шафеева перевоза. Вызваны 25 конных полицейских;

- июль: В деревнях Москово и Учпили Асяновской волости собрание башкир из 600 человек;

1907 год:

- 6 января: В Бураево толпа башкир напала на полицию, атаковала квартиру пристава. Убит один башкир;

- июнь: Стрельба по полиции в Мензелинском уезде;

- июль: Башкиры Бирского уезда недовольны тем, что представители малых народностей в Государственной Думе имеют меньше представительства и если Дума на это не обратит внимания, то они свое право будут защищать силой.

Когда в 15 ноября 1917 года в Оренбурге была провозглашена «автономия Башкурдистана», в селе Бураево был созван съезд мусульман Бирского уезда, на котором были составлены две телеграммы в адрес Центрального Башкирского Шуро (Совета) – от башкир и мишарей упомянутого уезда, в которых выражалась полная поддержка идеи автономии и желание присоединиться к ней. Аналогичная телеграмма пришла и от башкир-вотчинников Белебеевского уезда. Как видим, башкиры Уфимской губернии, первоначально не входившей в состав Башкирской Республики, горячо поддержали идею башкирской автономии и выразили желание в нее войти. Однако, до этого еще было далеко.

Провозглашение Бураевского кантона

18 января 1918 года отряды Красной Гвардии выбили из Оренбурга атамана Дутова, поддержавшего автономию Башкортостана. Башкирское правительство, заявлявшее ранее о своем нейтралитете («мы – не большевики, и не меньшевики, мы – просто башкиры»), предпочло не покидать Оренбург. Но 16 февраля оно было арестовано большевиками с подачи Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета, состоявшего в большинстве своем из татарских деятелей, резких противников самоопределения башкирского народа. 18 февраля 1918 года, то есть буквально через два дня после ареста в Оренбурге Башкирского правительства, в селе Бураево движение присоединения к башкирской республике вылилось в конкретные политические формы, создав прецедент непосредственного волеизъявления масс и дав сигнал к действию другим: Бураевский Башкирский национальный Совет (Шуро) провозгласил территорию

своей и семи соседних волостей Бураевским башкирским автономным районом, входящим в состав Башкирской республики («Малой Башкирии») на правах Бураевского кантона. И хотя самопровозглашенный кантон представлял собой изолированный анклав, со всех сторон окруженный Уфимской губернией, это нисколько не смущало бураевцев, и они решительно взялись за дело.

Хлеб и диктатура пролетариата

В стране фактически шла гражданская война. Диктатуре пролетариата был необходим хлеб. Поэтому большевики ввели продовольственную разверстку, то есть изъятие у крестьян продукта их труда. Им оставлялся необходимый для полуголодного существования минимум, а излишки реквизировались. Февральский наряд 1918 года на Уфимскую губернию составил 1008 вагонов муки, 144 – крупы, 435 – овса и сотни вагонов других наименований. В ответе на анкету Московского продовольственного комитета власти Уфы писали: «Уфимская губерния является губернией вывозящей (т.е. регионом-донором)...К реквизиции и принудительному проведению закона о хлебной монополии население относится крайне отрицательно...» После провозглашение автономии и отделения Бураевский башкирский национальный Совет принимает постановление: «...хлеб, заготовленный для армии в количестве 500.000 пудов и кассу наличности 300.000 рублей признать принадлежащим автономному району». Бирский продовольственный комиссар Соколов телеграфировал в Уфу: «Служащие терроризованы, бегут, часть арестованы. Местный совет народных комиссаров бессилён помочь...Дело заготовки хлебов в уезде обречено на гибель». Действия бураевцев вызвали огромный резонанс не только в губернии, но и в Москве. Большевистская газета «Вперед» возмущенно писала: «Это бесцеремонное покушение «автономных» бураевских башкир на государственный хлеб и деньги...грозит неисполнением со стороны губернии общегосударственного февральского наряда, так как именно Бураевская волость должна была дать наибольшее количество хлеба, и на нее в этом отношении возлагались наибольшие надежды. Губернский исполком Совдепа постановил послать в автономный район усиленный вооруженный наряд».

Бураевский кантон вооружается

Власти до сих пор считали действия бураевских башкир хулиганской выходкой, которую можно пресечь полицейской акцией, не зная того, что в Бураево уже приступили

к организации собственного войска. Бураевские автономисты собирались не только оказать вооруженное сопротивление Красной гвардии уезда, но самим атаковать уездный центр – город Бирск. Вот что писал в своих мемуарах непосредственный участник событий в Бирском уезде весной 1918 года некто Г. Акимов: «Кулаки и бывшие на фронте их сыновья по приказу штаба организовали отряды, вооружали их чем попало. Каждая деревня должна была выставить отряд и послать его в распоряжение штаба в Бураево... В течение недели после начала восстания в Бураево прибыло 10 отрядов... Численность войска восставших доходила до 1000-1200 человек. Командование осуществлял штаб, в который входили бывшие фронтовики, имеющие офицерское или унтер-офицерское звание... Отряды восставших должны были двигаться на город Бирск, но осложнения, вызванные недостатком вооружения, особенно боеприпасов, задерживали срок выступления. Винтовок, берданок, частью отобранных при расправе с милицией, Советами, часть привезенных с собой демобилизованными солдатами, было мало, всего около сотни. На каждую винтовку было от одной до пяти обойм патронов. Было несколько револьверов и гранат. Основная масса была безоружна... Страхи, панические слухи о том, что восставшие огромной силой движутся на Бирск, убивают всех большевиков, распространяемые в городе, повлияли на малочисленных...»

Идейными руководителями «Бураевской смуты», как охарактеризовала движение бураевцев татарская газета большевистского толка «Кюряш» («Борьба»), были, по выражению автора публикации, «контрреволюционные буржуи» – «махровый кадет» Сахибзада Максудов из Дюртюлей и Шарафи Хамидов из Бураево: «Эти враги народа подстрекали к [мятежу] коренные башкирские деревни, такие как Манчарово в Бирском уезде, тем, что будто большевики придут громить мечети и уничтожать религию. В результате подстрекательства в деревне Бураево возникла вооруженная группа, которая решила сражаться против большевиков...» В чем были не правы «подстрекатели»? Через некоторое время большевики разгромят все мечети и церкви в крае, запретят религию и арабографическую письменность, которую использовали журналисты газеты «Кюряш».

Сложилась парадоксальная ситуация: члены башкирского правительства сидят в тюрьме, а Бураевский и другие кантоны целых полтора месяца самостоятельно осуществляют управление от имени автономного Башкортостана. Бураевцы первыми в Уфимской губернии начали открытую войну против уфимских большевиков, выбивавших из сельчан последние запасы хлеба. Бураевский Башкирский автономный район на тот момент стал олицетворением мечты башкир Уфимской губернии о будущей Башкирской республике, для осуществления которой бураевцам пришлось проявить недюжинное мужество и веру в идею самоопределения своего народа. Все это свидетельствовало о том,

что в начале XX века северо-западные башкиры не утратили духовную связь с остальной частью башкирского этноса, с его многовековой героической историей вооруженной борьбы за свои права. Кем же были идейные вдохновители бураевского восстания?

Шарафи-бай и Сахибзада Максюдов

О Шарафи Хамидове до сих пор помнят в его родном селе, показывая большой деревянный дом, где жил «Шарафи-бай». В архиве сохранились о нем интересные сведения. Вот что записано в анкете Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года:

«Место жительства: губерния Уфимская, уезд Бирский, волость Бураевская, селение Бураево.

Имя: Хамитов Шарафуддин

Сословие: вотчинник

Национальность: башкир

Скот: 4 лошади, 2 коровы, 2 теленка

Торгово-промышленные

заведения: крупянка – 1; мельницы – 3; хлебная пристань – 1

Название промысла: торговля

С/х инвентарь: 7 телег на железном ходу

Отношение к домохозяину (т.е. состав обитателей домовладения): **муж. пол:** хозяин – 53 года; сын – 7 лет; работник – 28 лет; работник – 43 лет; **жен. пол:** мать – 100 лет; жена – 52 года; жена – 28 лет; теща – 62 года; дочь – 5 лет; две племянницы – по 17 лет.

О Сахибзаде Максюдове известно, что он был купцом, занимался, как и Шарафуддин Хамидов, хлебной торговлей. В 1902 году он был избран гласным Бирского уездного земского собрания, а в 1906 году стал членом мусульманской фракции I Государственной Думы России. В его подворной карточке той же переписи читаем:

«Место жительства: губерния Уфимская, уезд Бирский, волость Ельдякская, селение Дюртюли.

Имя: Максютков Сахибзада Давлетшеевич

Сословие: крестьянин Асяновской волости

Национальность: татарин

Скот: 5 лошадей, 3 коровы, 3 телят, 3 козы

Торгово-промышленные заведения: ½ крупянка – 6; ½ паровая мельница – 3; сушилка – 3

Название промысла: торговля

Отношение к домохозяйину: муж. пол: хозяин – 45 лет; сын – 6 лет; сын – 23 года; жен. пол: жена – 40 лет; дочь – 10 лет; дочь – 15 лет; дочь – 17 лет; горничная – 16 лет; кухарки – 17 и 40 лет.

О Шарафи-бае в Бураево до сих пор рассказывают различные истории. Как было сказано в анкете, у него имелась хлебная пристань, что предполагало наличие барж, с помощью которых по реке Белой перевозился хлеб. Шарафи-бай был очень смекалистым человеком, пускавшимся на различные хитрости, которым позавидовал бы сам Остап Бендер. Рассказывают, что он специально топил в реке свои баржи с мукой, которая, как известно, намокала лишь снаружи, внутри оставаясь абсолютно сухой. Получив страховку за якобы утонувшие суда, он вытаскивал из-под воды мешки с мукой и раздавал их бедным односельчанам. И сам деньги выручил, и голодных накормил.

Подавление «Бураевской смуты»

В Москве были обеспокоены событиями в Бураево. Комиссар по продовольствию РСФСР Цюрупа отбивал в Уфу телеграммы: «Прошу вас употребить все меры для локализации выступлений бураевцев и мысово-челнинцев, не останавливаясь ни перед чем. Никаких соглашений с дезорганизаторами-предателями! Посылайте отряды, арестуйте руководителей, предавайте их строжайшему суду...» Вероятно, именно после этого в Бураево двинулся отряд Красной Гвардии. Если верить упомянутому выше Г. Акимову, в феврале 1918 года в Бирск прибыл отряд под командой А. Вострецова, состоявший из рабочих Усть-Катавского завода. Через 2-3 дня он вырос до батальона. Именно, этот батальон 3 марта вошел в мятежный Бураевский автономный район. Далее источники дают разноречивую картину произошедшего. Г. Акимов пишет: «Не доезжая до Бураево, отряд пошел пешком, выставив передовое охранение, дозоры... Утром, 3-го марта, как только отряд показался на окраине села, муллы организовали навстречу нам мирное шествие стариков, женщин. Произошла сдержанная встреча... Штаб восстания почувствовал превосходство сил нашего отряда, учел бесполезность сопротивления. Еще накануне, 2-го марта, было решено распустить отряды, оружие спрятать в разных местах и встретить нас мирно. Белогвардейские офицеры, переодевшись в крестьянские одежды, попрятались в домах. Арестовав 10 человек из числа главарей восстания, организовав

волостной Ревком, отряд ушел обратно». В Бураево, согласно Г. Акимову, был оставлен взвод красногвардейцев.

Совсем по-другому описываются события в газете «Кюряш»: «В разгар этих событий в Бураево прибыл небольшой отряд Красной Гвардии. Бураевские мятежники оказали сопротивление Красной Гвардии; они не согласились признать Советскую власть. Отряду Красной Гвардии пришлось вернуться обратно. Было решено прислать из Уфы в Бураево советские войска и подавить мятеж». Версия газеты «Кюряш» представляется более правдоподобной, так как заметка датируется 4 апреля 1918 года, то есть временем подавления бураевского восстания, тогда как воспоминания писались Г. Акимовым по прошествии десятков лет, почему и пестрят множеством ошибок. В конце марта в Бураево выступил уже усиленный за счет уфимского гарнизона отряд Красной Гвардии. Газета «Кюряш» писала: «...в среду 27 марта, ночью, прибывшие из Уфы советские войска окружили «бураевский фронт». Заняв Бураево, они восстановили твердый порядок».

В дни подавления «Бураевской Смуты» в Бирске проходил III-й съезд Советов. На заседании 28 марта председатель Бирского Совета народных комиссаров И. С. Чернядьев с удовлетворением доложил «о ликвидации Бураевского движения против Советской власти». На заседании 31 марта делегат Кудашев, ездивший в мятежный автономный район, доложил о наложении Красной Гвардией контрибуции в 2 миллиона рублей на «некоторые бураевские фирмы за агитацию против Советской власти». Восстание было подавлено, а Бураевский башкирский кантон ликвидирован. Однако, эта попытка присоединения к автономной Башкирской республике для крестьянства Уфимской губернии не прошла даром. Она стала первым опытом подобного характера, повторившимся в 1920 году.

«Вилочное восстание» (Ғәнәкле яу)

Бураевский мятеж 1918 г. был первой попыткой башкир Уфимской губернии присоединиться к Башкирской Республике в тогдашней ее форме «Малой Башкирии». Вторично такая попытка был предпринята через два года, когда вспыхнуло так называемое «Вилочное восстание» или восстание «Черного Орла», которое началось в январе 1920 года на территории Мензелинского уезда в русском селе Елань как стихийное выступление крестьян против продовольственных отрядов, отнимавших у них продукты сельскохозяйственного производства. Постепенно в него включились башкиры Уфимской

губернии, и оно превратилось в ирредентистское движение¹ за присоединение к Башкирской республике. Повстанцы организовали собственную армию и двумя колоннами двинулись к уездным двум города – Белебею и Бирску. Первый был взят ими 1 марта. Узнав о наступлении на второй, бирские руководители большевиков Пичугин и Чернядьев издали истерическое обращение к населению: «Товарищи крестьяне!...В некоторых волостях, главным образом, с мусульманским населением, кулацким элементом, дезертирами, вернувшимися из Сибири белобандитами поднято восстание против Советской власти, причем, невежественные, одураченные башкирские орды, выдавая себя за «Черную армию», громят население, избивают своих же учителей и учительниц, советских служащих, библиотекарей, коммунистов и сочувствующих...Такое безумное выступление озверелой башкирской толпы рассчитано на то, что сознательное крестьянство под давлением повстанцев, очертя голову, примкнет к бунтовщикам. Товарищи! Не нужно крови!»

Чекисты докладывали, что по Уфимской губернии разъезжали «контрреволюционные агитаторы, истолковывая в извращенном смысле Башреспублику, агитировали за башкирского короля Заки Валидова, о том, что не будет коммунистов и будет там свобода». При этом арестованные крестьяне прямо говорили: «Перебив коммунистов, мы избрали бы главой правительства Заки Валидова. Ему мы дали слово – обещали...» Когда начался разбор причин произошедших событий, председатель Белебеевского исполкома Ключев докладывал в ЧК о причинах восстания в Белебеевском уезде: «...с одной стороны слабая работа партии..., и, главным образом, контрреволюционная агитация, ведущаяся под лозунгом присоединения к Башкирской республике...»

«Вилочное восстание» сыграло ключевую роль в решении центральной Советской власти о присоединении Бирского, Белебеевского, Стерлитамакского, Уфимского и части Златоустовского уездов Уфимской губернии к Башкортостану. Мензелинский уезд, несмотря на то, что там численность башкирского населения превышала численность татар, по просьбе татарских коммунистов все же был передан декретированной в мае 1920 года Татарской АССР. Что касается Бураевского бунта и образования Бураевского башкирского кантона в 1918 году, то это было репетицией событий 1920 года. Таким образом, северо-западные башкиры сыграли решающую роль в упразднении Уфимской губернии и образовании «Большой Башкирии», очертания которой почти совпадают с

¹ Ирредентизм (от итал. *irredento* — «неискупленный», «неосвобожденный») — политика государства, партии или политического движения по объединению народа, нации, этноса в рамках единого государства. Выражается в этнической мобилизации, при которой поднимается вопрос о воссоединении территории, на которой проживает ирредент, с титульным государством, в котором их этнос составляет большинство.

границами современной Республики Башкортостан. Почему почти? Как известно, анклавные Аргаяшский, Яланский, Ток-Чуранский кантоны были впоследствии ликвидированы. Однако, ядро исторической Башкирии все же вошло в состав нашей республики.

Газета «Башкортостан»

Борай автономияһы һәм уның тарихи әһәмиәте (23.02.2018)